

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЯН И УКРАИНЦЕВ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Г. В. Черникова

Филиал Российского государственного социального университета в г. Воронеже

Поступила в редакцию 28 января 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию интеграционных предпочтений россиян и украинцев в динамическом и сравнительном ракурсах. Автор выделяет общие и особенные тенденции этих предпочтений в конце XX – начале XXI в., а также обуславливающие их факторы.*

Ключевые слова: *интеграционные предпочтения, Россия, Украина.*

Abstract: *the article analyzes the integration preferences of citizens of Russia and Ukraine in a dynamic and comparative perspective. The author identifies similar and particular tendencies of those preferences at the end of XX – beginning of XXI centuries, but also the factors involved.*

Key words: *integration preferences, Russia, Ukraine.*

Происходящие на мировой сцене динамические процессы глобальной переструктуризации мирового сообщества и его ведущих центров силы сопровождаются ростом этнополитической, социокультурной напряженности, социально-экономической нестабильности, а также активизацией интеграционных и дезинтеграционных тенденций. Эти процессы и тенденции являются серьезным испытанием на прочность для сложившихся межгосударственных объединений и союзов, а также новых интеграционных проектов, в том числе на постсоветском пространстве. Во всех этих процессах существенную роль играет фактор общественного мнения. Очевидно, что успех интеграции и (или) дезинтеграции «сверху» во многом зависит от ее поддержки «снизу» в виде соответствующих предпочтений населения, его реакции на геополитические и геоэкономические инициативы властвующей элиты. В связи с этим весьма актуальным является изучение интеграционных предпочтений граждан России и Украины на рубеже XX–XXI вв., а также обуславливающих их факторов в динамическом и сравнительном ракурсах.

Опираясь на интерпретацию понятия «интеграционные предпочтения», сформулированную коллективом проекта «Интеграционный барометр ЕАБР», автор предлагает следующее определение данной категории. Это распространенность среди всего населения соответствующих векторов притяжения к тем или иным межгосударственным образованиям, общественная поддержка кооперации с другими странами, объединениями стран, выраженная в обобщенных массовых представлениях.

Несмотря на накопленную солидную эмпирическую и аналитическую базу по обозначенной проблематике, следует отметить, что ее анализ в сравнительном контексте затруднен отсутствием единой методологии и инструментария исследования на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода. В то же время вряд ли подобная методология могла появиться сразу после распада СССР в условиях, когда на постсоветском пространстве наблюдались довольно выраженные процессы дезинтеграции, распада прежней модели идентификационной системы и поиска новой, в том числе геополитической. Кроме того, довольно долгое время на постсоветском пространстве не было собственных институтов, осуществляющих на регулярной основе соответствующие исследования, как и не было опыта систематического участия стран бывшего СССР в западных, в том числе европейских, международных сравнительных социологических исследованиях.

Однако по мере того как, с одной стороны, усиливались интеграционные устремления России на постсоветском пространстве, а с другой стороны, обозначались различия в подходах России и Украины по вопросу региональной интеграции, а также в видении своей роли в глобальных геополитических процессах, все более востребованными для политического и экспертного сообщества становились репрезентативные данные об интеграционных предпочтениях населения этих стран.

Единая методология регулярного и синхронизированного отслеживания интеграционных предпочтений жителей стран постсоветского пространства стартовала в 2004 г. и просуществовала до 2011 г., когда на организационно-методической платформе Международного исследовательского агентства

«Евразийский монитор» появился новый исследовательский проект «Интеграционный барометр ЕАБР». Его появление было обусловлено качественными изменениями в интеграционном процессе на постсоветском пространстве (создание Таможенного союза, затем Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза). Новый аналитический проект реализовывался по изменившейся методологической базе, в том числе в части изучения интеграционных приоритетов населения. Так или иначе, эмпирический и аналитический материал, полученный в ходе реализации указанных проектов, выступает важнейшим источником анализа интеграционных предпочтений населения России и Украины в динамическом и сравнительном контекстах.

В качестве ключевых сравнительных переменных в нашем исследовании выступают наиболее приоритетные в рассматриваемых странах интеграционные направления: так называемое «евразийское» или «проевразийское» (притяжение к странам региона СНГ в целом и внутри него) и «европейское» или «проевропейское» (притяжение к Европейскому союзу).

Анализ эмпирической и аналитической базы по рассматриваемой проблематике позволяет сформулировать следующие общие для обеих стран тенденции, характерные для периода 90-х гг. XX – начала XXI в. Прежде всего, следует отметить более широкую поддержку населением России и Украины «евразийского» интеграционного вектора в сравнении с «европейским». В России данная тенденция наблюдается до сегодняшнего дня, на Украине – до 2014 г. [1]. В его пользу выступала значительная часть опрошенных в двух странах (по разным источникам в разные годы максимум составлял от половины до более двух третей) [2–5]. Видимо, это объясняется тем, что обретение независимости Украиной и Россией (как и большинством других бывших республик СССР) не сопровождалось отказом от существовавшей на тот момент системы взаимосвязей в экономической, политической, социокультурной и иных сферах жизнедеятельности.

В то же время небезынтересно отметить, что при постановке вопроса об отношении граждан к перспективе вхождения их страны в Европейский союз (без иных интеграционных альтернатив) между россиянами и украинцами также выявилось большое сходство мнений. По разным источникам максимальное количество поддерживающих возможное членство России/Украины в ЕС составляло от трети до половины респондентов в каждой из рассматриваемых стран [там же]. В обоих государствах предпочтение жить в объединенной Европе чаще встречалось у молодежи, людей с высшим образованием и с

более высоким уровнем материальной обеспеченности.

Методология и инструментарий агентства «Евразийский монитор» позволяют также сравнить интеграционные предпочтения россиян и украинцев внутри региона СНГ. Оказывается, что вновь объединенный СССР приветствовали бы чуть большее количество россиян, чем украинцев (в разные годы изучаемого периода от 14 до 20 % россиян и от 9 до 19 % украинцев), тогда как в Содружестве Независимых Государств хотели бы жить существенно меньшее количество и россиян, и украинцев (от 7 до 13 % россиян и от 4 до 11 % украинцев) [6]. При этом динамика поддержки этих интеграционных объединений у населения обеих стран снижалась с течением времени и появлением на постсоветском пространстве новых интеграционных объединений (Таможенного союза, Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза). Устойчиво положительное отношение к этим новым объединениям демонстрирует на протяжении 2012–2016 гг. значительная часть россиян (более двух третей опрошенных), при том что конкретных выгод от данного союзничества она пока не ощущает [1, с. 7, 38]. Относительно широкую поддержку перспектив вступления в ТС, ЕЭП можно было наблюдать у украинцев (в 2012 и 2013 гг. соответственно 57 и 50 %) [7, с. 8].

Важным интеграционным индикатором являются представления граждан России и Украины о ближайших перспективах объединительных процессов на постсоветском пространстве. Число интеграционных оптимистов в России на протяжении 2012–2016 гг. было заметно больше, чем на Украине (хотя и здесь в течение 2012–2013 гг. доля респондентов, считающих, что страны СНГ будут сближаться, превышала долю сторонников обратного мнения) [там же, с. 28].

Общей характеристикой интеграционных приоритетов россиян и украинцев является их внутринациональная территориальная дифференциация. При этом в России уровень этой дифференциации ниже, чем на Украине. В последней (на протяжении практически всего изучаемого периода) наблюдалась существенная поляризация интеграционных предпочтений населения по линии, с одной стороны, «Запад и Центр» и, с другой стороны, «Восток и Юг» [1, с. 39; 2, с. 25]. Следовательно, фактор регионального раскола (имеющий, в свою очередь, историко-культурную подоплеку) выступает одним из ключевых в формировании тех или иных интеграционных предпочтений на Украине.

Важной особенностью массового сознания россиян выступает тот факт, что на протяжении последнего полуторадесятилетнего периода (начиная с 2004 г.) в нем присутствуют довольно выраженные

«автономистские» (антиинтеграционные) представления [6]. Пик этого типа представлений пришелся на 2004 г., когда 51 % опрошенных россиян предпочли предложенным интеграционным альтернативам вариант «продолжать жить в своей собственной стране и не стремиться к каким-либо государственным и надгосударственным союзам и объединениям». Следует отметить, что данный вариант ответа в России устойчиво набирал большой удельный вес в сравнении с другими вариантами ответов, отражающими те или иные интеграционные предпочтения, на протяжении (как минимум) 2004–2011 гг. [7]. Данный феномен требует отдельного самостоятельного исследования. Пока же выскажем предположение, что он обусловлен комплексом объективных и субъективных факторов. Среди последних не последнюю роль играет динамика образа России в массовом сознании россиян. Так, по мнению авторитетного отечественного социолога А. Л. Андреева, в середине первого десятилетия XXI в. «в российском обществе формируется своего рода неоконсервативная волна, лейтмотивом которой становится... культурно-историческая самобытность России... как непреходящая базовая ценность» [8, с. 111]. Этот вывод соотносится с результатами иных исследований, посвященных изучению особенностей политического сознания россиян в рассматриваемый период [9].

Среди других факторов, в значительной степени обуславливающих особенности и динамику интеграционных представлений населения России и Украины, выделим фактор информационного контекста, формируемый правящей элитой страны с помощью средств массовой коммуникации. Отечественный информационный контекст отражает стремление руководства страны укрепить ее статус самостоятельного геополитического «игрока» в международной системе отношений, а также быть центром притяжения для большинства стран региона СНГ. Правящая элита Украины на протяжении практически всего рассматриваемого периода предпринимала настойчивые попытки по включению своей страны в европейскую сферу влияния.

Качественные изменения в интеграционных предпочтениях украинцев и россиян произошли в 2014 г., когда украинский политический кризис серьезно усилил центробежные тенденции в стране и завершился «поглощением» Крыма Россией и вооруженным противостоянием в Донбассе. После этого на Украине «роевразийский» вектор притяжения резко поменялся на «роевропейский» [1, с. 7]. В отношении перспектив интеграционных процессов на постсоветском пространстве произошла статистически значимая динамика показателя в негативную сторону

(с 2014 г. доля украинских респондентов, считающих, что страны СНГ будут все больше отдаляться друг от друга, превышала долю сторонников обратного мнения) [7, с. 29]. Одновременно в массовом сознании россиян также произошли изменения: к 2015 г. Украина выпала из так называемого «интеграционного ядра» притяжения (группы взаимно выбирающих друг друга стран в качестве союзников и партнеров); наметился некоторый рост притяжения к «евразийскому» и падение индекса притяжения к «европейскому» векторам [там же, с. 15, 36, 86]. Эта динамика была детерминирована объективным процессом глобальной трансформации, обострением (на фоне украинского политического кризиса 2013–2014 гг.) конкуренции между двумя интеграционными системами: так называемой «европейской» (центр притяжения – Европейский союз) и «евразийской» (центр притяжения – Россия).

Подводя итог, следует отметить следующее. Российское и украинское общества на протяжении 90-х гг. XX – начала XXI в. находились в пространстве конкуренции различных геополитических векторов притяжения. В обеих странах более широкая поддержка «евразийского» интеграционного вектора сочеталась с симпатиями к «европейскому», а также наблюдалась внутривосточная региональная дифференциация интеграционных предпочтений. Последняя особенно ярко выражена была на Украине. Интеграция Крыма в состав России в 2014 г. и вооруженный конфликт в Донбассе способствовали сглаживанию этой дифференциации, консолидации украинского общества и резкому изменению вектора его интеграционных приоритетов с «роевразийского» на «роевропейский». В то же время указанные события, а также международная реакция на них (прежде всего, в виде санкционных ограничений со стороны США и ЕС) консолидировали и российское общество, что проявилось, среди прочего, в усилившейся поддержке «евразийского» геополитического вектора. С одной стороны, это (наряду с высоким уровнем поддержки евразийской интеграции населением других членов ЕАЭС) является благоприятным фактором для перспектив укрепления соответствующего вектора союзнических отношений России. С другой стороны, для долгосрочной устойчивости евразийского интеграционного проекта необходимо решить задачу повышения его конкурентоспособности, прежде всего, в сфере экономики, которая балансирует на грани рецессии. Очевидно, что решение этой задачи невозможно без преодоления кризиса в российско-украинских отношениях. Нормализация последних является краеугольным камнем стабильности и поступательного развития во всем европейском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интеграционный барометр ЕАБР – 2015 (четвертая волна измерений). Аналитическое резюме. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2015.
2. Уайт С. Беларусь, Украина и Россия : Восток или Запад? / С. Уайт, Й. Макалистер // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 3.
3. Головаха Е. И. Посткоммунистическое развитие Украины и России (сравнительный анализ социально-политических процессов) / Е. И. Головаха // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М. : Аспект Пресс, 1996. – Вып. III.
4. Голов А. А. С кем дружить? / А. А. Голов // Левада-центр. 07.02.2001. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2001/02/07/s-kem-druzhit/>
5. Россия, Белоруссия и Украина : что нас сближает и что разъединяет // Евразийский монитор (волна 1). Отчет. 15.04.2004. – Режим доступа: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-113.html>
6. Отчеты агентства «Евразийский монитор» за 2004–2016 гг. – Режим доступа: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/>
7. Интеграционный барометр ЕАБР – 2016 (пятая волна измерений). – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2016. – 106 с.
8. Андреев А. Л. Образ России и образ Запада в сознании россиян (середина 1990-х – 2007 годы) / А. Л. Андреев // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 1. – С. 110–128.
9. Черникова Г. В. Политические представления россиян на рубеже XX–XXI вв. : тенденции эволюции : монография / Г. В. Черникова. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 272 с.

Филиал Российского государственного социального университета в г. Воронеже

Черникова Г. В., кандидат политических наук, доцент кафедры «Социальная работа и права социального обеспечения»

E-mail: galzhd@mail.ru

Тел.: 8 (473) 229-06-24

Branch of the Russian State Social University in the City of Voronezh

Chernikova G. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department «Social Work and Right of Social Security»

E-mail: galzhd@mail.ru

Tel.: 8 (473) 229-06-24